

Ольга Карклин

Роман о любви:
Катулл и Клодия.
Римское небо.
Книга 1

Роман. Переводы.
Эссе.

Ольга Карклин

**Роман о любви: Катулл
и Клодия. Римское небо. Книга
1. Роман. Переводы. Эссе.**

«Издательские решения»

Карклин О.

Роман о любви: Катулл и Клодия. Римское небо. Книга 1.
Роман. Переводы. Эссе. / О. Карклин — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-852624-4

Роман о любви Катулла, родоначальника европейской лирики,
и Клодии Пульхры, загадочной римской патрицианки. В книге
присутствуют оригиналы и переводы стихов Катулла из его
книги «Кармина», выполненные автором, эссе, комментарии
и исследования, написанные в свободной художественной форме.

ISBN 978-5-44-852624-4

© Карклин О.
© Издательские решения

Содержание

Посвящение	6
Перевод	7
Благодарности	8
Интродукция	9
Предисловие от автора и переводчика	10
Книга 1	12
Глава 1. Корнелий Непот	12
Эссе (1)	14
Комментарии (1)	15
Ссылки (1)	16
Глава 2. Клодия. Хрустальный шар	17
Эссе (2; 3)	21
Комментарии (2)	21
Глава 3. Воробей	23
Эссе (3)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Роман о любви: Катулл и Клодия. Римское небо. Книга 1 Роман. Переводы. Эссе.

Ольга Карклин

© Ольга Карклин, 2017

ISBN 978-5-4485-2624-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Небесной Деве Покровительнице *Patrona Virgo*

Перевод

с латыни Ольги Карклин
книги «Кармина» Катулла Веронского

Благодарности

Благодарю доцента кафедры классической филологии ПетрГУ Майю Михайловну Кислову, чье вдохновение и знание классической латыни помогло мне открыть мир латинской поэзии и затем – поэзию Катулла.

Благодарю доктора филологических наук профессора Татьяну Георгиевну Мальчукову за восхитительные часы прекраснейших лекций об античности, истории античной литературы, за пристальный взгляд и подлинный интерес к античной культуре.

Благодарю доктора филологических наук профессора Андрея Евгеньевича Кунильского за методы и инструменты культурологического и научного подхода к литературоведению и поэтике как высокой науке, открывающей реальность человека и мира через художественные произведения.

Благодарю Доминика Ласселина за драгоценный подарок – книгу Катулла на латыни с замечательными комментариями Французской академии наук.

Благодарю кандидата филологических наук за уникальную информацию, которую Сергей предоставляет на своем сайте «Римский сад», за его великолепные фото артефактов античности, статьи, многолетние исследования и личную поддержку, за уроки внимания к деталям.

Благодарю профессора Александра Драгункина, лингвиста, полиглота, писателя и популяризатора идеи об истинном месте и значении русского языка, за лингвистические ключи, которые я получила благодаря ему.

Благодарю Владислава Отрошенко за его, смелость и честность как переводчика, литературоведа, публициста и писателя в такой спорной теме, как творчество Катулла. Отдельное спасибо за его переводы! Только переводы Владислава Отрошенко из всех существующих переводов оказались конгруэнтными моим: потому что мы оба шли точно от оригинала и ритмически, и метрически, и фонетически, и семантически. А также за его человеческую поддержку отдельная благодарность.

Благодарю Стевена Сейлора, американского романиста, великолепного знатока античной истории, литературы и культуры, талантливого и честного писателя.

Благодарю Романа Шашкина за информацию по альтернативной истории, за поддержку и интерес к моей работе.

Благодарю Валентину Труфанову за мудрые советы и уточнения в важных моментах и деталях.

И благодарю мою семью, родных и друзей за доброту и веру в меня, за понимание и вдохновение.

А также благодарю своих читателей за интерес и внимание к этой работе!

Vale!

Всем здоровья!

Интродукция

Вопрос даже не столько в том, как относились в Риме к Катуллу и его поэзии при его жизни, от которой теперь остались только копии единственной известной книги Катулла Веронского «Кармина» и его личная история, ставшая почти мифом, сколько в том, *что* значит его поэзия сегодня?

Вопрос, в большей степени в том, *насколько* значима поэзия Катулла, какова ее ценность?

Впрочем, в ней нет ничего застывшего: поэзия Катулла, как и кристалл его жизни – скользит в пространстве-времени, виртуальном пространстве вечности, искусства, поэзии, философии, истории...

То, что она живет и живая, не подлежит никакому сомнению.

Но *как* поэзия Катулла может рассматриваться, пониматься, сознаваться, интерпретироваться в момент завершения прежней системы вещей?

Предисловие от автора и переводчика

В 1300 году в библиотеке Веронского монастыря монахами этого же монастыря была обнаружена старинная рукопись на латыни: книга Катулла Веронского «Carmina», посвященная Корнелию Непоту и некой Деве Покровительнице.

С этой рукописи, как будто бы впоследствии утраченной, были сделаны две копии, от которых в свою очередь, произошли многочисленные изводы 15 века, от которых, затем уже, и произошли изданные книги.

Если бы не эта счастливая случайность (?), поэзия Катулла осталась бы навсегда неизвестной современному миру.

К моменту обнаружения самой рукописи прошло 68 лет после введения папой Григорием IX постоянно действующей Инквизиции из судей монахов для борьбы с еретическими движениями отступников от официальной христианской доктрины – врагами церкви и общества.

На тот момент римской католической церковью руководил папа Климент V, именно он инициировал Варфоломеевскую ночь 13 октября 1307 года, когда был уничтожен Орден Тамплиеров.

Можно предположить что те, кто хранили этот свиток, не раз рисковали своими жизнями.

Именно с обнаружения этого свитка и началась вторая жизнь поэзии Катулла.

Катулл снова вернулся в мир.

Таинственная Дева все же позаботилась о нем.

И Божество Небес, к которому обращался поэт в своей книге, похоже, действительно, покровительствовало Катуллу.

Катулл возвращается из забвения.

Или же...

Это была все-таки историческая мистификация, подделка, книга написанная в том же 14 веке, а возможно и позже, и являющаяся всего лишь частью множества артефактов, претендующих на античное прошлое и происхождение, являющихся в действительности плодами Средневековья?

Ведь даже эта рукопись Катулла, в единственном экземпляре, не была добросовестно засвидетельствована как подлинная.

Речь идет всего лишь об источниках-копиях 15 века. Но и с ними такая же история...

Так что, даже опираясь на оригинал, не факт, что мы опираемся на действительный источник, а не на подделку, или скажем мягче – мистификацию – историческую и литературную.

Однако, есть книга.

ОЧЕНЬ ОТ АВТОРА

Эти годы перевода и работы над этой книгой Катулла, попытки понять Катулла и героиню его стихов, ее внутреннюю логику, С ТЕМ, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ САМОГО КАТУЛЛА, все это время прошло как песок сквозь пальцы...

Прошло так стремительно, как взмах ресниц, как поворот головы: как если повернуть голову через плечо, чтобы посмотреть назад, и тут же повернуть голову вперед. Вот так прошло это время, со скоростью поворота головы.

А ведь это были годы. И все эти годы образы Клодии и Катулла сопровождали, словно аккомпанемент.

И странно, если сперва Катулл был центральной фигурой, то со временем образ Клодии все больше и больше требовал к себе внимания, вызывал все больше вопросов, вынуждал искать ответы.

И теперь, когда пишу эти строки, мне кажется уже, что она стала каким-то образом мной, как будто это я сама ходила по улицам Рима, проводила ладонью по лицу Катулла, смотрела высокомерно, сочувственно и отрешенно на жизнь, на все эти волнения или просто стояла – прямо – высоко подняв голову, стояла и смотрела в римское небо. В Вечность.

Книга 1

Глава 1. Корнелий Непот

C. VALERIUS CATVLLVS
CATULLI VERONENSIS LIBER
CARMINA*

1
Quoi dono lepidum nouum libellum
Arida modo pumice expositum?
Corneli**, tibi; namque tu solebas
Meas esse aliquid putare nugas,
Jam tum cum ausus es unus Italorum
Omne acuum tribus explicare cartis
Doctis, Iupiter, et laboriosis.
Quare habe tibi quicquid hoc libelli,
Quaecumque; quod? o patrona virgo,***
Plus uno maneat peremne saeclo.

КАТУЛЛА ВЕРОНСКОГО КНИГА
КАРМИНА*

1
Кому подарить новую книжку,
Едва просохшую, отполированную в глянец?
Корнелий**, тебе, именно ты обычно
Мое ничто*** принимал за нечто,
Еще когда первым среди италийцев
Решился раскрыть события века
В трех огромных томах, Юпитер, трудолюбиво.
Почему бы тебе не иметь эту книжку,
Уж какая есть? а patrona virgo****
Даст прожить ей еще не одно столетие.

Ранним весенним утром **64 года до Рождества Христова, в год Lucio Caesare et Gaio Figulo consulibus** по весенним гулким улицам утреннего Рима прокатилась скромная повозка, в которой находились всего двое – молодой человек и его пожилой слуга.

Остановившись возле небольшой таверны, молодой человек вошел в гулкое, темное, прохладное помещение, с трудом дозволив заспанного хозяина, и, узнав, где лучше снять квартиру, вышел на улицу.

Прозрачный нежный воздух, напоенный цветущими ароматами новой листвы, весенний, солнечный, легкий, пьянил.

Каменная кладка тротуара, высокие дома, колонны, арки, портики. Окна, задрапированные красивыми тканями, укрывали, прятали неведомую жизнь. Жизнь, в которой удивительные, прекрасные и свободные люди завтракали, нежно и значительно улыбаясь друг

другу, скрытые от посторонних взглядов, но, безусловно, являясь душой и пульсом этого величественного Города. Ему казалось, что он непременно с ними встретится, узнает их...

Молодой человек сел в повозку, и через некоторое время они остановились возле высокого нового дома, построенного из кирпича и бетона, оштукатуренного, украшенного кое-где лепниной из гипса, дома без архитектуры, но зато с остекленными окнами, высотой в пять этажей, что впечатляло и одновременно устрашало: землетрясения в Риме были печально известны.

Сумма, которую арендатор назначил за квартиру, показалась огромной. Но, с другой стороны, жилище находилось почти в центре, на относительно тихой улице, и по уверению хозяина, в наиболее спокойном районе. Также близость таверны, рынка и храмов...

Небольшая квартирка с отдельным входом сияла в нежном солнце: ванная комната, где можно было мыться, стирать, водопровод: холодная и теплая вода в кранах, кухня с компактной печкой, небольшая столовая, две спальни и небольшие жаровни...

Новые хозяева всей этой солнечной роскоши принялись, не спеша, распаковывать вещи. Хотя, по сравнению с виллой, которую они покинули недавно...

Нужно было приобрести самое необходимое – мебель, продукты, книги...

Молодой человек вышел на улицу и со странной уверенностью, словно он уже и знал всю географию города, миновал Бычий Форум, колонны храмов. Люди охотно подсказали ему нужные лавки, и, проходя, сквозь прибывающие волны людей, сквозь все растущую толпу горожан, он, не без труда, вышел к рынку. Ему нужно было найти мастерские, торгующие необходимыми ему вещами. Нашел. Сделал заказ, указал свой адрес для доставки, расплатился.

Солнце уже поднялось над головой, а это означало – полдень, и жара навалилась на город, плотно и тяжело.

Молодой человек остановился, наконец, у живописного дома, постучал в блестящую темную дверь. Ему открыл сам хозяин – Корнелий Непот, улыбающийся, веселый с блестящими глазами и легкими движениями...

– Катулл! Гай! Ты!

Катулл почувствовал одновременно легкость и скованность, словно комок подступил к горлу, и он ничего не ответил, да, впрочем, они уже шли сквозь нежную прохладу дома, сквозь внутренний дворик, наконец, достигли покоев Корнелия – прохладный зал с задрапированными окнами, сквозь которые мягко пробивался свет.

Стол, заваленный свитками книг, книжные шкафы, наполненные исписанными рулонами, небольшие статуэтки богов и богинь, мифических животных, критская керамика, коринфская бронза... чего только не было в этой обители Муз...

– Рассказывай, что, как? – нетерпеливо приступил Корнелий к расспросам.

– Приехал.

– Как дома?

– Хорошо. Отец надеется на щедрый урожай, сестра выросла, почти невеста, брат весел, мать здорова...

– Да. Веронский виноград, – мечтательно произнес Корнелий. – А мои как?

– Отлично! Вот, просили тебе передать... – и он протянул Корнелию небольшое письмо, а также мешочек, доверху наполненный сестерциями.

Пока Корнелий читал, Катулл подошел к окну и, отодвинув портьеру, выглянул в окно. За окном рос сад, и в солнечной зелени весенних деревьев цвел розовыми, белыми, сиреневыми, огненными всполохами. Сад дышал. Небо глядело в душу. Небо сияло сквозь легкие облака, сквозь ветви цветущих деревьев.

Он уже знал этот особый покой, вселяющий уверенность и силу, запредельный, особый... Он чувствовал, когда Небо с ним разговаривало. Он различал этот язык, любил его.

Корнелий окликнул Катулла, вывел его из особого состояния силы, в руках Корнелия плескалось темное маслянистое вино в бокале, он плеснул в другой бокал Катуллу...

– За встречу, друг! Будем здоровы!

– Сперва тебе нужно встретиться с нашими, это отличные поэты-неотерики, мы представляем здесь в Риме Александрийскую школу...

– Я перевожу Каллимаха...

– Не сомневаюсь в тебе. Ты ведь не перестал писать свои ямбы?

– Я бы сказал, наоборот....

– Уверен, в Риме тебя оценят.

Эссе (1)

Катулла около двадцати, когда он переезжает из Вероны в Рим. Семья рассчитывает, что именно в Риме он продолжит свое образование, изучая юризм, что даст шанс начать собственную карьеру. Время – очень приблизительно с погрешностью в три-четыре года, здесь историки несколько расходятся – примерно 64 год до Рождества Христова.

Гай Валерий Катулл приезжает в Рим.

Мечты семьи о карьере сразу же были пожертвованы поэзии. Стихи, а не юридические тонкости волновали его кровь. Стишочки. Знал бы он, что они ему принесут.

Он вошел в кружок таких же молодых поэтов, увлеченных Александрийской поэзией.

Его стихи признавались лучшими.

Тогда же он сблизился с Корнелием Непотом.

Дружбу с Корнелием Катулл сохранил до конца жизни, и свои последние дни – бездомный, тяжело больной Катулл провел в доме Корнелия.

Так что это посвящение Корнелию, безусловно, оправдано.

В обращении к Корнелию, за мягкой иронией, отсутствует всякая фамильярность. Здесь нет притяжательного местоимения – мой, так характерного для Катулла. У Катулла притяжательное местоимение «мой» никогда не указывает на обладание, на форму собственности, но это и обозначение чувств, и душевной близости, и ссылка на некую внутреннюю общность – огромная палитра значений.

Но Корнелий – Катулл как бы дистанцируется от него, отходит в сторону, проводит черту, разделяет: вот это мои *nugae* «безделки» как принято называть в России уже как два века стихи Катулла, а вот это твои три тома, трудолюбиво.

И здесь как-то вдруг меркнет всякое разделение, и остается космическая серебряная россыпь смеха бессмертных, смех из темноты времен, из звездной ночи.

...Они культивировали ДОСУГ, практически отсутствовавшее понятие до них.

Они устраивали вечеринки с вином, танцами, лавровыми венками, с непременным чтением стихов.

Все, что их действительно беспокоило – это качество собственных стихов.

Но именно они диктовали литературную моду Рима.

С ними считались.

К тому же, к культу ПОЭЗИИ, у них создался еще один культ – ЛЮБВИ И ДРУЖБЫ.

Вообще, *любовь и дружба* – не слишком характерная для Рима идея – проявится в истории мировой литературы с такой полнотой только еще пару раз – В Риме в эпоху Августа, в «золотой век» римской поэзии, и будет инициирована Гаем Азинием Поллионом, другом Катулла, поэтом-неотериком в молодости, и в последствии достойным государственным дея-

телем, впрочем, в зените карьеры и славы, отказавшимся от консульства, политики и государственной службы вообще – в пользу литературы; и в России – Пушкин и поэты-лицейсты.

Поэзия, любовь и дружба, не слишком свойственное имперскому менталитету занятие вообще-то, если подумать.

И еще: свой труд, а значит, и свою жизнь Катулл посвятил БОГИНЕ.

Кто же это?

Диана, которой Катулл слагал свои гимны?

Изида?

Добрая Богиня?

Неизвестная Богиня?

Кто?

И здесь Катулл еще раз дистанцируется от Корнелия и уходит в сияние забытых древних священных имен.

А у нас по Римскому календарю, установленному, кстати, еще Юлием Цезарем, у нас уже нет памяти о Богине, все закрыто, стерто, тотально демонизировано. У нас есть только Отец. Мы ничего не знаем о своей Небесной Матери. Даже память утрачена об этом сиротстве. По Матери – в обществе только мат. По Отцу – молитвы.

Катулл обращается к БОГИНЕ. Он сознает себя под покровительством Женского Божественного начала, позволю себе написать это с большой буквы.

И время показало, что Та, к Кому обращался поэт, действительно позаботилась о нем и его книге. Не на одно столетье и даже не на одно тысячелетье, а возможно, столько, сколько будет существовать мир...

Комментарии (1)

64 год до Р.Х.

Сирия становится провинцией Рима.

Луций Юлий Цезарь – древнеримский политик, консул 64 года до Р.Х. вместе с Гаем Марцием Фигулом. Сын предыдущего консула, легат одного из галльских легионов в 52 г. до н. э., понтифик в конце 50-х гг. до н. э. Во время своего консульства высказывался за казнь участников заговора Катилины. После консульства стал авгуром. Во время Галльской войны служил в Галлии под руководством своего родственника, Гая Юлия Цезаря. После убийства Гая Юлия Цезаря в 44 году выступил против Марка Антония, своего племянника, за что и был впоследствии проскрибирован.

Гай Юлий Цезарь в этом же году занимает должность курульного эдила вместе с Марком Кальпурием Бибулом, недалёковидным, хотя и ревностным приверженцем демократии. Добиваясь повышения своей популярности, Гай Юлий Цезарь не ограничивается обычными полномочиями эдила. Великолепными постройками, служащими к пользе и украшению Рима (базилики и рынки), или устройством блестящих игр, Цезарь не оставляет сомнений в ясности своих намерений. Толпа его поддерживает за лояльность, щедрость и внимание. Так, он проводит блистательные гладиаторские бои, где присутствуют 320 лучших гладиаторов в доспехах из чистого серебра. Он дает обеды, устраивает пышные приемы, внешне добиваясь поверхностных целей – получить популярность. Его недруги ждут, когда иссякнет запас денег и толпа отвернется от него, но этого никогда не происходит. Цезарь всегда имеет средства, если не свои, то кредиторов. Он в огромных долгах, что не мешает ему наслаждаться жизнью и пребывать в прекрасном настроении.

Претор этого же года – **Метелл Целер**. Целер в этом же году выполняет еще и жреческие обязанности авгура. В обязанности жрецов входит также изучение и хранение книг Сивилл.

Ссылки (1)

Стихотворение №1 посвящено **Корнелию Непоту**, первому римскому историографу, земляку Катулла, писателю и историку, автору многотомного труда «Хроники», в котором Корнелий излагает всемирную историю, начиная с древнейших отдаленных времен и заканчивая последними событиями в Риме для автора на тот момент времени.

Carmina * – переводится с латыни как песня.

А также – как лебединая песня.

И еще – как крик совы.

А еще – скрытая ссылка на цвет – карминный, близкий к пурпуру, цвет крови и страсти.

А еще – имя – или наименование – пурпурная, красная...

А еще... судьба в некотором смысле... или – причинно-следственная связь.

*Corneli*** – Корнелий Непот.

*Patrona virgo**** – дева патронесса, дева покровительница.

Глава 2. Клодия. Хрустальный шар

2

Passer, deliciae meae puellae,
Quicum ludere, quem in sinu tenere,
Quoi primum digitum dare adpetenti
Et acris solet incitare morsus,
Cum desiderio meo nitenti
solaciolum sui doloris,
Credo, ut tum grauis ardor;
Carum nescio quid lubet iocari
Et ecum ludere sicut ipsa possem
Et tristis animi leuare curas!

...

Tam gratum est mihi quam ferunt puellae
Pernici aureolum fuisse malum,
Quod zonam soluit diu nega

2

Воробей, радость моей детки,
С кем играет, с кем нежна настолько,
Что послушно подставляет палец,
Для жестоких, яростных укусов,
Чтобы томление ее притихло.
Любимая не знает лучше шутки
И забывает все свои печали,
Веря, что так жар уймется,
Развлекается, словно все может
И скорбную душу оставляют беды.

...

Словно героическая девочка
Золотым яблоком срываясь
С ветки, когда дует ветер.

60 год от Рождества Христова в год консульства Квинта Цецилия Метелла Целлера.

Среди молодых поэтов Рима, блиставших красотой, юностью, остроумием, изысканно или подчеркнуто просто одетых, похожих на рой ангелов, с выбившимися, как бы нечаянно, кудрями, акцентированно длинными локонами в пику нынешней римской моде на короткие стрижки; с архаичными прическами, почти женственными; ухоженными руками, униженными восточными перстнями с тайными, эзотерическими значениями, Катулл был похож на воробья.

Все древнее и таинственное имело особенное значение в этом кружке молодых гениев, как, впрочем, и все новое.

Среди молодых поэтов Рима Катулл выделялся своей обычностью, какой-то безыскусной простотой, как бы отказом от любой игры.

Казалось, Катулл и не заботился вовсе ни о своей красоте, ни о красоте своих ямбов.

Но странное дело, он умел каким-то образом превращать все в фон, на котором он просто светился своей обычностью.

Он умел жить так, что все подчеркивало его – обычного человека.

И эта его обычность, простота и почти дерзкая безыскусность, наряду с какой-то невероятной фанатичной приверженностью к истинному, и создавало ему тот особый ореол, в котором сияла его необыкновенная слава – просто обычного человека, обычного поэта обычной жизни.

Но ему было невозможно не верить. В нем убеждало все.

Его меткие эпиграммы, короткие и едкие, были уже хорошо известны в Риме. Их цитировали, учили наизусть.

Маленькие эротические стихи, изящные и шуточные, очаровывали простотой, чувственностью и прозрачным трезвым взглядом на жизнь. Каким-то образом, ему негласно присвоили звание первого поэта Рима, что как-то не умаляло достоинства других молодых или официально признанных в Риме поэтов. Он настолько не был похож ни на кого, что соперников не было.

Он был один.

В этот день Клодия собиралась особенно тщательно. Не ожидалось ни приемов, ни праздников, но с самого утра она отчего-то вызвала парикмахера, лучшего в Риме мастера, услуги которого она предпочитала остальным. Она долго обсуждала с ним прическу, беспокоясь не только о впечатлении, но и о надежности, затем позвала массажистку, рабыню из Сирии, молчаливую темнокожую девушку с маленькими, крепкими, не знающими усталости руками. Предупредила, чтоб массаж был сделан особенно тщательно. И на этот раз, без особых причин, она использовала вместе с обычными ароматическими маслами, редкий состав, называемый «эликсиром любви», масло со странным, почти неприятным запахом, которое потом, при взаимодействии с кожей создавало неуловимый аромат то ли ветра, то ли моря, а может, даже звездного неба, если бы у неба был запах...

Закончив с растираниями, она некоторое время походила совершенно нагой по комнате своей роскошной виллы, комфортной, сверхсовременной, величественной, и вместе с тем простой на первый взгляд. Она впитывала в себя всем телом нежный ветер, сквозняками льющийся из цветущего сада. И странное предчувствие чего-то нового, наполняло ее радостью, тревогой и каким-то необычным возбуждением.

Сегодня она выбрала самый шокирующий наряд из узорных прозрачных сирийских тканей, который не столько одевал, сколько оведал ее стройное цветущее тело, сияющее здоровьем и силой. Она провела несколько линий вдоль век, подчеркнула глаза и брови специальным египетским составом, и больше ничего не стала добавлять к макияжу. Сандалии она выбрала самые легкие и самые скромные, отделанные узкими узорными лентами. Обулась. Выпив маленькую чашку особого напитка, придающего бодрость, она ограничила этим свой завтрак, и приказала слугам готовиться к выходу. Здесь взгляд Клодии скользнул на хрустальный шар, она взгляделась в него пристальней, и там будто бы пробежало что-то внутри – тень или ветер, вспыхнуло, зажглось звездами, завибрировало и растаяло. Впрочем, это могло быть просто ее отражение. Она не стала особенно задумываться над этой игрой света, взяла этот прохладный шар в ладони, и вышла из своей комнаты.

В этом сезоне появилась новая деталь в дамской моде Рима – шар из горного хрусталя, который, как верили сами дамы, особенно хорошо охлаждает руки и душу. Этот шар был

доставлен Клодии всего несколько дней назад, но она сразу почувствовала особое поле, окружавшее его. От лектики она отказалась, и хотя это было не в обычае знатных дам, решила на этот раз совершить прогулку пешком.

Вот так, в сопровождении своей обычной свиты, держа в руках хрустальный шар, в вызывающе прозрачных одеждах, подчеркивающих ее ослепительное тело, она вышла за ворота виллы, где уже собралась толпа зевак и поклонников, ожидавшая ее выхода, как особенного события. Что было, впрочем, привычным.

Клодия шла по Святой Дороге, Via Sacra, главной улице Рима, сегодня у нее не было никакой особенной цели, но, словно невидимая яркая нить странной силы вела ее, и это было приятно и захватывающе.

Сопровождающая ее толпа гудела о чем-то, одобрительно и восхищенно. Голоса размывались в воздухе. Возможно, все дело было утреннем напитке, когда Клодия внезапно остановилась и подошла к невзрачному молодому человеку, почти застывшему на ее пути и странно, по-домашнему глядящему на нее. Между ними был хрустальный шар, который стал вдруг почти горячим. Странная сила остановилась. Возникло почти осязаемое поле между Клодией и этим мальчиком, словно бы вечность ждущего ее здесь. Ситуация была почти комичная: она, патрицианка, уверенная в себе и знающая толк в любви, вдруг смутилась перед этим мальчиком, ей захотелось укрыться, спрятаться от его спокойных глаз, да он словно бы и не смотрел на нее, почти не смотрел, и ей сделалось необходимым поговорить с ним.

– Тебе нравится мой шар?

Он смотрел на нее:

– Мне нравишься ты.

Она вложила шар в его руку.

– Подарок.

Он подержал шар в руках, закрыл глаза, открыл.

– Ты хочешь поговорить?

– Да, – просто сказала Клодия, – пойдем со мной. Я хочу поговорить. Тебя зовут...

– Катулл. Гай Валерий Катулл.

Клодия улыбнулась. Катулл. Щенок. Кутенок... Забавно.

– Капитолийская волчица? Ромул, Рем и Катулл?

– Может быть.

Они уже шли назад, к дому Клодии, толпа постепенно редела, и когда они вошли за черную литую ограду особняка, их сопровождали уже одни слуги. Она отпустила слуг, распорядилась никого не принимать, провела Гая Валерия Катулла в свою особую комнату, в дальнем крыле виллы, с потайной дверцей, ведущей в сад и особым, скрытым в саду же выходом.

Это была строгая квадратная комната для отдыха и размышлений с небольшим прямоугольным окном наверху, в которой и не было почти ничего, кроме небольшого столика, невысокого кресла и скромного ложа, на котором иногда отдыхала Клодия.

– Устраивайся. Здесь не очень уютно?

– Уютно везде, где ты, – ответил мальчик.

Его искренность или любезность казались чудовищными.

– Что-нибудь прохладительное?

– Как хочешь сама.

– Тогда немного вина. Ты вино пьешь? Разбавляешь?

Он улыбнулся.

– Я не разбавляю, думаю, это все портит.

– И я, – рассмеялась Клодия.

И от этого смеха, серебристого, легкого, щекочущего, словно разлетелось множество колокольчиков и стало легко и свободно. Ушла даже и тень скованности.

Она поставила на столик бокалы, темную запотевшую бутылку, высыпала на белоснежную пузырчатую тарелку горсть орешков.

– Угощайся. А вино разливать придется тебе, не так ли?

– Да, госпожа.

И он уже держал в своих далеко не аристократических руках темное стекло, и вино уже лилось в бокалы, безупречной линией, и она уже поднимала свой бокал:

– За встречу!

Что-то было здесь еще. Что-то совсем новое, о чем просто не хотелось думать...

– Ты не представилась.

Клодия помрачнела. Встала, вышла из-за стола. Подошла к окну. Все верно. Случайная встреча, простое любопытство. Теперь она вынуждена отвечать на вопросы, рассказывать о себе, о своей жизни. Кроме того, достаточно, в общем, одного имени, чтобы он мог всегда узнавать о ней... да. А с другой стороны, зачем ей помнить сейчас, как ее звать, кто она, что происходило вчера? Прошлого – нет. Настоящее...

В комнату влетела ее птичка. Закружилась. Клодия подошла к небольшому, скрытому в стене шкафчику, взяла оттуда горсть зерен, протянула ладонь. Птичка, снижаясь и поднимаясь, клевала золотистые крупинки. Сквозь просветы задрапированного окна в золотом луче солнца вибрировала жизнь.

Клодия вернулась к столику, села на прежнее место. Напротив нее на ложе полулежал мальчик. И все также спокойно смотрел на нее.

– Не знаю, сможешь ли ты это принять, – сказала Клодия, – может, сегодня у меня не будет имени?

– Я бы хотел тебя все же как-то называть.

– Называй.

– Ипсифилла. Та, кто любит себя. Хорошо?

– Не обижайся.

– Ты хотела поговорить.

– Но точно не о том, кто я.

– Может, ты хотела поговорить о том, кто я?

– Я хотела поговорить. Мне казалось, это важно.

– Я понял. Все, что ты могла бы рассказать о себе, это – не ты?

– Наверное. Да. Точно..

Он посмотрел на хрустальный шар, лежащий на столе.

– Подарок?

– Да.

– Тогда пусть его место будет здесь, в твоём доме. Я так хочу.

Он поднялся:

– На самом деле, мне бы очень хотелось тебя поцеловать. Мне бы хотелось целовать тебя. Долго. Много. Всегда. Поэтому я пойду. Проводи меня.

Она встала. Он был прав. Разговор был невозможен.

У них не было языка, на котором можно было говорить о самом важном, большем, чем все слова...

Она взглянула ему в лицо, его выразительные, почти пухлые губы, были точно созданы для поцелуя. Он улыбнулся, обнажив в улыбке белоснежные мелкие неправильные зубы. При всей неправильности черт, он был прекрасен. От него шло невероятное тепло. Хотелось к нему в руки. На грудь.

Он взял ее руку и поцеловал. Другую.

Она вспомнила об этом странном луче, который привел ее к нему, и вдруг доверилась этой силе.

Ей стало легко и свободно.

Она обняла его, и мир закружился.

Эссе (2; 3)

...Предок Клодии **Апий Клавдий Слепой**, рожденный в 312 г. до Р.Х., создавший акведуки, водопровод, знаменитую Апиевую дорогу (и поныне одна из лучших дорог в мире) писал в своей первой, изданной в Риме книге «СБОРНИК ЦИТАТ И АФОРИЗМОВ»:

«Человек сам кузнец своего счастья».

Вероятно, он меньше всего предполагал, что через несколько столетий его прекрасная пра-пра-правнучка и гениальный молодой поэт перевернут этот афоризм, перевернут, но не забудут.

И вот, этот пылкий юноша, Катулл, встречает Клодию и влюбляется в нее.

Более неосмотрительным просто нельзя было быть.

Он, чья душа пылала огнем поэзии, чьи идеалы были просты и неизменны, чье кредо было – **ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ** нашел себе более, чем неподходящий, на первый взгляд, объект для своих чувств.

Кроме того, он был не то, чтобы совсем беден, семья еще поддерживала его, но все-таки он был небогат, **НЕРИМЛЯНИН**, а значит – **ПЛЕБЕЙ**, и совсем некрасив, и даже **СВЕТЛОГЛАЗ**, волосы имел серые, что противоречило эстетике Рима, и у него был не лучший рост, и вообще, друзья называли его **ОБЕЗЬЯНОЙ**. Кого-то напоминает, не правда ли? Нашего Пушкина. Его друзья порой тоже звали обезьяной.

Катулл снимал квартиру в инсуле, арендном доме, пользуясь услугами своего верного единственного слуги, и вообще, кто он был такой, этот Катулл? **ПОЭТ? НИКТО.**

И вот этот веронец вдруг находит успех у Клодии.

Их видят всюду вместе, Катулл сочиняет чувствительные стишки **ПРО ПТИЧКУ**, которые тут же разлетаются по Риму.

Их пишет полуграмотный плебс на стенах домов, поют в кабаках, читают и переписывают знатные нобили, патрицианки, даже уважаемые матроны.

Катулла и Клодию видят в театре, на ипподроме, в городе.

Невероятно – они даже не выглядят как любовники.

Они **РАЗГОВАРИВАЮТ.**

Еще удивительнее, Клодия больше совершенно не интересуется красивыми римскими мальчиками.

Клодия ведет себя как природная девственница, она вдруг становится **СКРОМНОЙ**.

Она даже меняет одежду на более скромную и больше не устраивает свои шоу.

Даже муж, сенатор замечает невозможную перемену.

Он начинает **РЕВНОВАТЬ К КАТУЛЛУ**. Он впадает в ярость при виде этой скромнейшей парочки. Он запрещает принимать в их доме Катулла, он устраивает Клодии нелепые сцены ревности.

Рим **НЕ ПОНИМАЕТ.**

Но при этом Рим восхищается стихами Катулла, и его знаменитые стихи **ПРО ВОРОБЬЯ**, с момента их написания, не один уже век украшают римские стены.

Комментарии (2)

За 2 года до этого

В 62 году до Р. Х. Цезарь становится претором.

В конце этого же года в декабре в Сатурналии в его дом на праздник Доброй Богини проникает Публий Клодий Пульхр.

Клодия ждет суд за то, что он, переодетый женщиной, проник в Дом Цезаря, где справлялось празднество Благой Богини, очень почитаемой римлянами, особенно женщинами, на котором никогда не дозволялось присутствовать мужчинам.

По этому поводу Цезарь заявляет: «Жена Цезаря должна быть вне подозрений». И подает на развод.

Предполагается, что Клодий проник в дом для того, чтобы встретиться с женой Цезаря.

Вообще-то, обвинение притянута за уши. Ну, кто всерьез станет назначать свидание именно в единственный в году женский праздник, ритуальный, да к тому же с таким множеством свидетельниц? Ну, уж не влюбленный, точно.

Так кому необходимо такое свидетельство? Клодию? Вовсе нет. Цезарю!

И затем в начале 61 года Цезарь разводится с Помпеей, дочерью Квинта Помпея и внучкой Луция Суллы.

Этот брак принес ему огромные средства и политические возможности. Но нужно было двигаться дальше.

Цезарь не долго томился в одиночестве. Он был высок, строен, светлокж, хорошо сложен, черноглаз, ну, разве, чуть полноват лицом. Патрицианки охотно предоставляли ему утешения.

Он был близок многим римским дамам. В том числе и жене Марка Красса – Луции, а также жене Гнея Помпея.

Но больше всех он любил мать Брута. Черная редчайшая жемчужина, стоимостью в 6 миллионов сестерциев не показалась слишком большой ценой за ее внимание. Сам же Брут, говорят, был внебрачным сыном Цезаря. Во всяком случае, Цезарь относился к Бруту как к сыну. Не – «и ты, Брут», а по свидетельству очевидцев: «и ты, сынок».

Курион Старший в своей речи как-то назвал Цезаря «мужем всех жен и женой всех мужей», назвал публично. Правда, в Риме такими шутками мало кого можно было удивить, как и убедить.

В 61 году от Р. Х. Клодий обвиняется в святотатстве, но, избегая наказания, откупается.

Глава 3. Воробей

3

Lugete, o Veneres Cupidinesque*,
et quantum est hominum venustiorum:
passer mortuus est meae puellae,
passer, deliciae meae puellae,
quem plus illa oculis suis amabat.
Nam mellitus erat suamque norat
ipsam tam bene quam puella matrem,
nec sese a gremio illius movebat,
sed circumsiliens modo huc modo illuc
ad solam dominam usque pipiabat;
qui nunc it per iter tenebricosum
illud, unde negant redire quemquam.
At vobis male sit, malae tenebrae
Orci**, quae omnia bella devoratis:
tam bellum mihi passerem abstulistis.
o factum male! o miselle passer!
Tua nunc opera meae puellae
flendo turgiduli rubent ocelli.

3

Плачь, Венера Купидона
И те, в ком еще есть человечность!
Воробей моей девочки умер,
Воробей, радость моей детки.
Кого больше света глаз любила;
Больше, чем свой мед любят пчелы,
Так добра, словно девочка мама,
Он с груди не слетал ее и лона,
Для одной госпожи своей чирикал.
А сейчас он на пути мрачном —
Там, откуда уже нет возврата.
Ужасное, мрачное пространство
Орок, жрущих красоту жизни.
Преступленье! Бедная птица!
А теперь у моей девочки распухли
От слез глаза, и как рубин покраснели.

60 год от Рождества Христова. Год консульства Целера Метелла.

Катулл шел по ночной улице. Его немного знобило. Не раз сбившись, плохо представляя, куда лучше идти, он все же относительно быстро вернулся домой. Забрался в постель. Несмотря на усталость, ему не спалось, он все еще был со своей незнакомкой.

Он вспомнил, как в полдень внезапно оставил общество друзей-поэтов. Торопливо попрощался, словно и вправду куда-то опаздывал, и зачем-то пошел к Священной Дороге, словно его там кто-то ждал.

Он вспоминал, как остановился посреди дороги, и как потом увидел ее, стоящую напротив. И этот шар в ее руках.

Ему тогда стало так тепло на душе, словно бы пришел домой.

И еще этот ее взгляд, словно напоминающий о чем-то, вопрошающий, как будто бы он должен был сказать ей что-то важное... Самое Главное...

Он даже не знал, кто она. И уже не хотел знать. Достаточно было ее присутствия.

Он совершенно не запомнил путь, по которому они шли, не заметил особенностей здания или обстановки.

Все, что он видел – это птица, луч и она.

Еще он помнил, что им было хорошо. Невероятно.

Еще он помнил, как она проводила его, как увернулась от его губ.

Как ему не хотелось ни о чем просить ее.

Как он молча прошел через сад и вышел на улицу.

Вряд ли он стал бы искать ее дом.

Вряд ли ему захотелось бы делать это против ее воли.

Ему даже не хотелось знать, встретятся ли они еще.

Но он знал точно, чувствовал всем своим существом, что все будет так, как они захотят.

И еще он думал, что все, что они пережили, это и есть любовь, и доверял этому. Эта сила сама найдет все, что сочтет нужным.

Он проснулся утром бодрый, полный сил. Чувство тепла никуда не ушло. Он вспомнил вчерашнюю встречу. И знал уже точно, что не станет тревожить покой женщины, которая стала ему дороже всех.

Прошло несколько недель.

Отец торопил в письмах, убеждал его поспешить с устройством на службу, ссылаясь на достаточную уже известность в Риме, на связи молодого Катулла, на старые связи отца, влиятельного гражданина Вероны, известного также и в Риме, а не только в Цизальпинской Галлии. Отец писал, что пора бы уже его Валерию стать взрослым.

Выбор был небольшой.

Служить в свите претора или, о чем отец ясно намекал в письмах, у наместника Цизальпинской Галлии и консула Рима Квинта Цецилия Метелла Целера, что считал оптимальным. И изучать юризм у него же.

Катулл через знакомых послал прошение о встрече, и секретарь Целера сообщил ему место и время. Консул назначил визит в своем особняке...

Катулл вошел за темную ограду решетки, прошел сквозь парк, вошел в шикарный особняк консула и доложил о своем приходе секретарю.

Целер, большой добродушный мужчина с особым чувством юмора, хорошо принял его, бегло просмотрел рекомендации, рассказал о новой должности, о сложностях и перспективах, об оплате, довольно неплохой, и после получасовой беседы, Катулл покинул его приемную.

У самого выхода он столкнулся лицом к лицу с той, о ком ни на минуту не забывал.

Она поздоровалась с ним. Резко повернулась и прошла вместе с ним за дверь.

– Люди – свиньи, – сказала она ему, – и так и нужно с ними поступать.

И резко же, не попрощавшись, вернулась в дом.

Поздним вечером этого же дня в таверне, куда он зашел посидеть и немного выпить, он услышал, что у жены Метелла Целера Клодии умерла любимая ручная птичка...

Эссе (3)

КАТУЛЛ ИГРАЕТ БАНАЛЬНОСТЯМИ КАК КОЛОДОЙ ТАРО.

ЛЮБОЙ ОБРАЗ – ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ПО СВОЕЙ ЗАТЕРТОСТИ, СМЕШНОЙ ДО ПОШЛОСТИ, ОБРАЗ, ВЫХВАЧЕННЫЙ ИЗ МУТНОГО ПОТОКА СОЗНАНИЯ ТОЛПЫ, КАТУЛЛ ОТМЫВАЕТ, ОТКРЫВАЕТ, ПОДНИМАЕТ, ПОВОРАЧИВАЕТ КАКОЙ-ТО ЧУДЕСНОЙ СВЕРКАЮЩЕЙ ГРАНЬЮ, – И ВСЕ УЖЕ СВЕРКАЕТ, СИЯЕТ СВЕЖЕСТЬЮ И СОЛНЦЕМ.

Он похож на старьевщика, находящего в утиле самые новые, самые прекрасные драгоценности.

Камень, который отвергли строители, стал во главу угла... Краеугольный камень. Что-то из еврейских историй? Что-то знакомое?

ЭТО ЕГО ВЫСОЧАЙШАЯ АЛХИМИЯ, ЭТО ЕГО ФАНТАСТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО, ЭТО ЕГО ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ, вот так он добывает свое золото.

...В Риме большое значение придавали наблюдением за полетом птиц, особенно орлов и ястребов.

Считалось, что через птиц изъясляет свою волю Божество.

Образ птицы вообще во всех этносах трактовался как образ Бога.

Поэтому маленькая прирученная домашняя птичка вполне могла восприниматься как благосклонность Божества также.

Предмет печали поэта – птичка. Воробей.

Контекст: отождествление – сам поэт; тот, кто развлекал возлюбленную – погибает.

Здесь как бы предвидение или – программирование? – собственной судьбы.

Может, Катулл *видит* собственную судьбу?

Стихотворение как эпитафия себе?

С какой точки времени тогда Катулл смотрит на свое настоящее?

Откуда? Из будущего? Из прошлого? Из какой-то еще одной точки – вне пространства-времени?

Это стихотворение о «птичке» может также быть очень прозрачным описанием страсти поэта, и тогда буквально —

«Любовница, возлюбленная, страсть, нежность, радость, наслаждение, моя девочка, девушка, девка, девчонка, детка».

И тогда... это стихотворение станет помесью порно с величайшей душевной интимностью, любовью и пр.

И тогда, да, уже можно лучше понять Рим, пишущий это на стенах и на дощечках...

Потому что итальянское «птица», «avis», что достаточно хорошо разобрал Зигмунд Фрейд в своей работе о Леонардо да Винчи, это слово на городском сленге всегда означало также мужской половой орган, вообще – гениталии. И в рамках этой работы Фрейда это стихотворение открывается еще иначе.

И здесь становится также понятным старание превратить это стихотворение в скучное – «про птичку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.